

У искусства есть два самых опасных врага: ремесленник, не озарённый талантом, и талант, не владеющий ремеслом.

Анатоль Франс

Художник не должен идти по трамвайным линиям.

Виктор Шкловский

**НОРМАЛЬНЫЙ
ТВОРЧЕСКИЙ
ПРОЦЕСС,
ИЛИ
«НА ЧЕРТА ТЫ
ПРИПЁРСЯ?»**

Много лет я обдумываю странную книгу, для читателя, может, и скучную: книгу про то, как книги пишутся.

По выходе очередного романа или сборника рассказов мне приходится отвечать на вопросы множества журналистов. Кроме банальных, дурацких или «по женской теме», среди них случаются толковые и каверзные — о том, что писателя волнует больше всего на свете: вопросы о профессии. От них не возникает желания отмахнуться, наоборот: ты застреваешь на них, задумываешься... удивляешься или даже сердишься, но волей-неволей отвечаешь заинтересованно и откровенно.

Недавно пересмотрела несколько любимых фильмов Феллини, в том числе «Интервью».

Когда смотришь знакомую чуть ли не покадрово картину, то обращаешь внимание не на сюжет (который у Феллини всегда третъестепенен), да-

10 же не на игру замечательных актёров, а на блики утреннего солнца в окне трамвая, тархтящего по рельсам в Cinecittà Studios, на толстый живот помрежа и на лужи после ливня. Но главное, ты чувствуешь, как минута за минутой в тебя втекает некая волшебная субстанция подлинного искусства, описать которую трудно, а объяснить практически невозможно.

И я подумала: вот примерно так надо бы писать свою *книгу о книгах* — чтобы в ней бегали дворовые собаки, падали фанерные декорации, ковылял с палочкой на протезах мой собственный дед; чтобы целиком выпадала наружу от толчков ташкентского землетрясения стена дядькиного дома, слепленного из саманного теста; чтобы с крыльца медленно стекала полуденная тень от яблони и стрекоза висела над лужицей пролитого молока; чтобы играла, вопила и дралась дворовая ребятня. А посреди всей этой густой-пахучей-разновсякой жизни стоял бы сам автор и невозмутимо отвечал прямо в камеру на вопросы о стиле, о литературных героях, о замысле и финале книг, о случайностях и закономерностях в ремесле; о детстве и судьбе, о снах, о любви и неизбывной тоске художника.

О рождении и смерти, наконец.

Ведь писателю на протяжении творческой жизни в каждой книге приходится отвечать на эти вопросы...

Так уж совпало, что предложение от издательства «МИФ» написать предисловие к пособию для начинающих литераторов пришло в то время, когда я читала книгу Харуки Мураками «Профессия — писатель», примериваясь к мысли написать нечто подобное — на собственном, разумеется, опыте.

И потому, улыбнувшись очередному совпадению в своей жизни, сразу ответила — да-да, любопытно, почему бы и нет. Мне прислали рукопись: Доротея Брандт, литературный критик и редактор... Написана книга в Англии, чуть не сто лет назад.

Для начала я полезла в Интернет и обнаружила, что подобных книг о писательском ремесле написано немало и писателями, и литературоведами, и критиками, и прочими пастухами обширного стада особей, производящих разные тексты. Причём самые толковые из них написаны именно «подспорным персоналом литературы» — редакторами и издателями. И это объяснимо: им в нашем деле всё понятно, они более тверды в законах, по которым якобы создаются литературные произведения. Там, где творец на извечный вопрос «как это сделано?» растерянно хмыкнет «не знаю» — не потому, что не знает, а потому что нельзя раззять и расчислить наитие и мастерство, — *литературный персонал* бодро впишет

12 диагноз, поставит капельницу и удалит половину печени.

К тому же профессиональный писатель, рабочая лошадка, не торопится взвалить на себя эту тяжкую ношу: учить новичка сотворению мира. Писателю своей головной боли хватает. Тот же Харуки Мураками подозрительно много места в своей книге уделяет пользе бега трусцой, словно, только надев трусы и сорвавшись с места, начинающий литератор преуспеет в деле сочинительства. Между нами говоря, мало чем смог бы разжиться у Мураками-сан литератор-новичок. Видимо, мэтр и сам не слишком верит в то, что человека можно научить писать талантливые книги.

Мне вспоминается фильм, снятый к юбилею писателя Леонида Леонова. Родился тот на излёте девятнадцатого века, умер глубоким стариком на излёте века двадцатого. Крупнейшая фигура в советской литературе: Герой Соцтруда, заслуженный деятель искусств, автор множества книг, вполне читаемых. Между прочим, выдвигался на Нобелевскую премию, а прозаиком был мощным, глубоким. И фильм получился интересным, в жанре «беседа с мастером».

Но самая фишка таилась в последнем кадре. Интервьюер задал маститому писателю вопрос (цитирую по памяти, может, и неточно): «Леонид Максимович! Вы работаете в литературе шестьдесят лет. Что бы вы хотели сказать молодым ли-

тераторам, кто только вступает на путь сочинительства?» После чего зависла пауза... Старый, очень старый человек смотрел в камеру немигающим взглядом. Камера приблизилась к его лицу настолько, что стали видны глубокие морщины и глубокие цепкие глаза. И длилось это долго... так долго, что мне показалось — может, компьютер завис? Наконец старик разлепил губы и медленно произнёс: «Ничего...»

Я даже вскрикнула от восхищения!

Таланту научить, конечно, нельзя, но профессию — какие-то её очевидные принципы и зачатки — передать можно. Годах в восьмидесятых один инсценировщик, крепкий середняк, по доброте душевной учил меня писать пьесы. Драматургия, говорил, это пустяк: «Завязка-кульминация-развязка-всё! А драматических ситуаций (известный Закон Польти) существует только тридцать шесть».

Это верно: каноны, приёмы, натруженные схемы — обиходный набор отмычек крепкого середняка.

Но в один прекрасный день является синий от татуировок хмырь с косячком марихуаны в зубах, и в его текстах все каноны, схемы и приёмы летят к чертям, и всё неправильно, и всё — ошеломительно!

Сложная, если вдуматься, задача — быть литературным наставником. У каждого такого настав-

14 ника свой опыт и свои взгляды на то, как следует писать книги. Я думаю, на ранних этапах сочинительства более полезна компания таких же начинающих, как и ты, наглых и юных олухов: чтение текстов вслух, бурные споры, перебранки, пиво, манифесты...

В молодости всё это очень заводит, и всё по плечу. Из молодости, как из свежего граната, можно выжать куда больше рубинового сока любви и ярости, неистовых страстей — всего, что питает литературу. Если в молодости ты не сметаешь на своём пути всех на свете наставников, все теории, советы, каноны, приёмы... — грош тебе цена, причём как в молодости, так и в старости.

Жизнь — потрясающая штука, если затевать её вовремя.

Словом, приступила я к чтению книги Доротеи Брандт и буквально на второй странице наткнулась на следующий пассаж: «По моему опыту, именно в этой сфере творчества целеустремлённый и дисциплинированный человек может добиться удивительных успехов в самые краткие сроки...» И дальше: «Те, кто страдает от периодов пустоты и тишины, когда на ум не приходит ни единая мысль или фраза, могут создавать подлинные шедевры, если «злые чары» на время рассеиваются...»

Я пришла в неистовое бешенство: да что, эта дама всерьёз решила, что научить писать прозу

можно на курсах кройки и шитья?! И всё же, чертыхаясь и зачитывая мужу «перлы», продолжала читать дальше, дальше... пока не дочитала всю эту небольшую книжку до последнего абзаца.

Доротея Брандт оказалась непроста. Она — так по всему выходило — верила в разумное устройство мира. Более того: она верила в разумное устройство и благоустройство писательского занятия. Заботливо и терпеливо запихивала своих питомцев в «ряды состоявшихся художников слова»; вникала в бытовые, психологические, физиологические проблемы подопечных; утешала их, давая совет за советом: где писать, сколько чашек кофе выпить перед началом работы, как расслабляться, когда телега воображения безнадёжно застряла. И если отвлечься от всяких её смешных: «Просите в магазинах хорошую бумагу по шестнадцать фунтов. Если продавец вас не поймёт, ищите магазин получше», — следовало признать, что среди её советов, шаг за шагом, я натыкалась на те, с которыми была совершенно согласна.

У меня-то не было никаких литературных наставников.

Если бы я, как нормальные люди...

Если бы к сочинению текстов я приступила годам к тридцати, я бы тоже, возможно, всерьёз отнеслась к литературной учёбе, тоже пыталась